

В.Н. Шапошников

Василий Фивейский

Центральный персонаж рассказа Л.А. Андреева «Жизнь Василия Фивейского», священник, настоятель церкви в одном из бесчисленных русских сел, «сын покорного и терпеливого отца, захолустного священника». Наряду со службой о. Василий, имея свой земельный надел, работал в поле вместе с крестьянами, сам похожий на крестьянина в своих грубых смазных сапогах и посконной рубахе. Даже в своем не слишком богатом селении Василий Фивейский живет на более низком уровне, чем верховод села Иван Порфирыч. В доме его осенью подолгу не начинали топить, жалея дров, и воздух бывал сырой и неприятный, как на дворе. Ходил отец Василий в стоптанной обуви с пробитыми подошвами, дома носил плохонькую ряску из грубой ткани; руки его были коричневые от загара, с чернотой въевшейся земли и с нестриженными ногтями. Лицо у него было длинное и костлявое, глаза маленькие и черные как уголь, зубы гнилые и черные, борода жидкая.

Как и его отец, Василий Фивейский «был терпелив и покорен и долго не замечал той зловещей и таинственной предопределенности, с какой стекались бедствия на его некрасивую вихрастую голову». Когда он сделался священником, женился на хорошей девушке и родил от нее сына и дочь, то подумал, что все у него стало хорошо и прочно как у людей. Меж тем отца Василия не любили ни прихожане, ни церковные сослужители. Церковную службу он отправлял не гладко-благолепно и внушительно, как нравилось простым людям. Был Василий Фивейский неловок: обычные деньги и приношения принимал так, что все считали его, не корыстолюбивого по существу, жадным и за глаза насмехались.

Василий Фивейский был очень несчастным в жизни. Утонул сын, запыла с горя и стала пьяницей жена, и общественное мнение восстало против этого; родился следующий сын-идиот, сгорел дом от пьяной неосторожности жены, умерла и сама жена.

Все окрест знали давно его несчастливость и брезгливо сторонились его, считая за дурную примету всякую встречу с ним. Даже на приглашение в именины к отцу Василию приходил только причт из его церкви, а из почетных прихожан не являлся никто. Хуже всех относился к нему церковный староста Иван Порфирыч, богатея-лавочник, открыто презиравший неудачника, отказавшийся даже целовать у попа руку, отчего авторитет священника среди односельчан упал еще ниже. Считая его дурным и недостойным человеком, Иван Порфирыч подбивал крестьян пожаловаться на отца Василия в епархию и просить себе другого священника. Отец Василий очень робел перед церковным старостой.

Испытывая мелкие щелчки и сильные удары судьбы, отец Василий верил в Бога торжественно и просто: как иерей и как человек с незлобливой душой. В самые страшные потрясения он ночью уходил далеко за село и истово произносил: «Я — верю». «Угроза и молитва, предостережение и надежда» были в этих возгласах.

Среди людей отец Василий всегда «был одинок, словно планета среди планет». А в разгар несчастий он сделался «так видимо обособлен, так непостижимо чужд всему». При этом начерталась глубокая дума на всех его движениях, в тяжелой поступи, в медлительности запинаящейся речи. Из-за того, что стал Василий Фивейский плохо замечать людей, их речи и поступки, его стали считать гордым.

Шло время. На одной исповеди, равнодушно предлагая какой-то старухе обычные вопросы, отец Василий внезапно ощутил некую странность: он спрашивает о самых сокровенных помыслах и чувствах, и человек пугливо отвечает ту правду, которой не дано

знать никому другому. И открылась ему печальная правда вечно одинокой, вечно скорбной человеческой жизни. Отец Василий понял всеми чувствами своими, что на земле есть подобные ему существа, и у них своя жизнь, свое горе. Так исчезло постоянное одиночество постоянно горестной жизни. Это было душевное открытие, но оно не было радостным; открытие стало потерей — вместе с ним скрылись и солнце, и пустынные светлые дали, по-своему утешавшие отца Василия, и плотнее сделался мрак ночи.

С этим открытием отец Василий стал до того настойчив на исповедях, что забирался своими расспросами в самые заповедные уголки души. Последовало еще одно открытие. Василий Фивейский «уже скоро понял, что те люди, которые говорят ему одну правду, как самому Богу», сами не знают правды о своей жизни. «За тысячами маленьких правд сквозила одна великая всеразрешающая правда о Боге, о людях, о таинственных судьбах человеческой жизни. Никто не умел назвать ее». Она была не только трудной, но и различной для всех. Отец Василий начал чувствовать ее — то как отчаяние и безумный страх, то как жалость, гнев, надежду.

Что нужно людям? Все чего-либо просили. Смысл каждой речи был страдание, страх и ожидание. В ответ у попа стал вырываться крик смятенного служителя всемогущего Бога: «Что я могу сделать? Что я — Бог, что ли? Его проси!» Не было начала людскому страданию, и горьким оно стало, ибо впитало в себя всю печаль несбывшихся надежд, тоску одиночества. Отец Василий увидел и горечь обманутой веры. Она еще не была дерзким атеизмом и не выходила из обрамлений внешних соответствий, но и уже не была верой в полном и старом смысле. А сам поп стал уже выше материальных страданий, хотя минутами он терял все выстраданное им и сам начинал чего-то ждать. Людские слезы лились неудержимо, и у Василия Фивейского под тяжелым впечатлением от сбившейся с пути жены своей вырвалось: «Все плачут. И нет помощи»; и испустил он кверху пронзительный и иступленный крик. Отец Василий искал правды — и ему, оглушенному, стало казаться, что весь мир принес ему свои слезы и муки и ждет от него помощи. Возникло и преследовало его мучительное сознание бессилия. В этом мучительном чувстве хотелось ему бежать на край света. И вместе с тем все люди стали ему дороги. Каждому проходящему он захотел сказать: «Бедный друг, давай бороться вместе и плакать и искать. Ибо ниоткуда нет человеку помощи». На этом пути он обрел второй раз духовное общение с женой (только не судьба была идти им долго). Но не этого ждали от него измученные жизнью люди. Им требовалось верить высшей загадочной воле, ждать улучшения своей судьбы от нее. Односельчане не могли пойти за Василием Фивейским с его несчастливой славой в житейских делах. И поп, продолжая священнодействовать в церкви, стал каждую минуту ожидать от мирян взрыва сатанинского хохота.

Прошло еще время. И однажды перед Пасхой он сказал жене, что не может больше идти в церковь, не может больше молиться, ему страшно. После ночи душевных страданий отец Василий принял решение: он снимет с себя сан. И они уедут далеко, отдав идиота на воспитание. Задуманное не осуществилось из-за смерти жены. После прощания с нею пришли новые дивные мысли: там, где видел он хаос и злую бессмыслицу, там могучею рукою был начертан верный и прямой путь; через горнило бедствий вела она его к великому подвигу; он — избран. Василий Фивейский преображается. Людям он стал казаться незнакомым, чужим, и чем-то спокойным отделял их всех от себя.

Видимо для всех отец Василий поспешно сбросил с себя последнее, связывавшее его с прошлым и с суетными заботами. Пользование своей землей за небольшую плату он передал причту, определил в работники к церковному старосте горького бедняка Семена Мосягина. Василий Фивейский зажил теперь аскетически вдвоем с сыном-идиотом, которого сдать на воспитание не согласился: мой грех — со мною ему и быть надлежит. Он наложил на себя строгий пост и не пил даже чая, молился и непрерывно читал Писание. Вопреки деревенскому обычаю вести службы по праздникам, отец Василий стал ежедневно совершать раннюю литургию, причем долго, медленно и крепко, в нетопленной,

студеной, почти пустой церкви. Поглядеть на странности попа сначала заходили любопытные миряне, но скоро и они отстали. Затем в губернский город пришли слухи о «новой вере» и изуверской секте, проверить основательность их приезжали люди в мундирах, однако ничего не нашли и ни на что не обратили внимания. Отца Василию тяжело было жить и продвигаться к намеченному, но неясному подвигу, жизнь удручала его. Опять в час усталости отец Василий возвысил голос: «Верую, Господи!» А в ответ ему прозвучал за спиной громкий злобный хохот подростка-идиота.

Под светлый весенний праздник погиб старостин работник и попов протеже Семен. По селу поползли слухи. Говорили о Мосягине и его трагической гибели, а думали о попе. Отчасти общее, отчасти свое испуганное настроение страшно выразил в лицо отцу Василию староста: «Ты зачем каждое утро тут выкидываешь? “Молюсь, молюсь...” Так не молятся. Ты жди, ты терпи... Поганец ты, своеволец, по-своему гнуть хочешь. Ан вот тебя и загнуло: где Семен? За что погубил мужика?»

Для Василия Фивейского не составило бы труда доказать вздорность этого обвинения. Ответом же были поповы глаза, ставшие огромными, зияющими, как вода болота. И отец Василий не мог так же легко, как этот обвинитель, сложить с себя вину за человеческое злосчастье и переложить ее на других, как не мог идти к Богу казенным путем, не мог быть терпеливым в привычной устоявшейся беспорядочности.

На отпевании небо закрыла огромная туча. Отец Василий почувствовал тьму, но ему почудилось, что великое и мощное чувство окрылило его: он ощутил что-то огромное и прелестное. Он познал могучее, все разрешающее чувство, повелевающее жизнью и смертью. Радость! — миру. Поп хохотал беззвучно, безудержно и грозно — и почувствовал испуг и съездившиеся спины людей. Отец Василий заплакал и простонал ввысь с амвона поперечь заупокойной молитве: «Разве Ты не видишь, что здесь нет мертвых!» Отец Василий прошествовал ко гробу и обратился к покойнику: встань! Не только к нему метафорически-обобщающее прозвучал этот зов. Но в страхе разбежались миряне.

И отец Василий заговорил в опустелой церкви горчайшими словами «Так зачем же я верил? Зачем Ты дал мне любовь к людям и жалость?..» Ответом были лишь грохот грозы и ослепление. Поднятым глазам попа предстали клонящиеся стены и сползающие своды, снаружи — клубящийся трескучий хаос и дикое веселье. Он выбежал прочь из рухнувшего храма.

Отца Василия нашли в трех верстах от села, ничком, лицом в дорожной пыли. Он и мертвый как будто продолжал бежать от собственного ужаса.